

роший «следователь». Большая доля несогласий с этим интервьюером предполагает, что его стиль интервьюирования менее удобен для Блэра, чем стиль Фроста, который получает наибольший процент согласий. Большое количество прерываний, отсутствие выражений согласия и типы уклонения в интервью Вудворда, свидетельствуют о весьма дискуссионной атмосфере в интервью. Макро- и микроанализ показывают, что для Блэра тема коммунального обслуживания наиболее комфортна, наименее удобна тема Ирака. Количество несогласий, «скрытое уклонение» и «семантический спор» в Интервью 4 об Ираке, указывает на то, что тема Ирака может быть выделена как одна из наиболее сложных тем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Atkinson, J. M. & Drew, P. Order in court. Atlantic Highlands, NJ: Humanities, 1979.
- Bavelas J.B., Black A., Bryson L., Mullett J. (1988). Political equivocation: A situational explanation. *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 7. 137-46.
- Blum-Kulka, S. (1983). The dynamics of political interviews. *Text*, 3 (2), 131-153.
- Brown, P. & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Use* Cambridge: CUP.
- Bull, P. (1994). On identifying questions, replies, and non-replies in political interviews. *Journal of Language and Social Psychology*, 13 (2), 115-131.
- Bull, P. (1998). Equivocation theory and news interviews. *Journal of Language and Social Psychology*, 17, 36-51.
- Bull, P. (2003). *The microanalysis of political communication. Claptrap and ambiguity*. London: Routledge.
- Bull, P. & Mayer, K. (1993). How not to answer questions in political interviews. *Political Psychology*, 14, 651-66.
- Clayman, S. E. (2001). Answers and evasions. *Language in Society*, 30 (3), 403-442.
- Clayman, S. E. (1993). Reformulating the question: A device for answering/not answering questions in news interviews and press conferences. *Text*, 13, 159-88.
- Dijk, T. A. (1977). *Text and context. Explorations in semantics and pragmatics of discourse*. London: Longman.
- Eemeren, F. H. (1986). Dialectical analysis as a normative reconstruction of argumentative discourse. *Text* 6, 1-16.
- Eemeren, F. (Ed.). (2002). *Advances in pragma-dialectics*. Amsterdam: SicSat.
- Greatbatch, D. (1986). Aspects of topical organisation in news interviews: The use of agenda shifting procedures by interviewees. *Media, Culture and Society*, 8, 441-455.
- Greatbatch, D. (1988). A turn-taking system for British news interviews. *Language in Society*, 17 (3), 401-30.
- Grice, H. (1975). Logic and Conversation. In P. Cole, & J. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics*. Vol. 3 (pp. 41-58). New York: Academic Press..
- Halliday, M. & Hasan, R. (1976). *Cohesion in English*. London: Longman.
- Harris, S. (1991). Evasive actions: How politicians respond to questions in political interviews. In P. Scannell (Ed.), *Broadcast Talk* (pp. 76-99). London: Sage.
- Heritage, J. & Greatbatch, D. (1991). On the Institutional character of institutional talk: The case of news interviews. In D. Boden & D. H. Zimmerman (Eds.), *Talk and social structure: Studies in ethnomethodology and conversation analysis* (pp. 93-137). Cambridge: Polity Press.
- Iñigo-Mora, I. (2002). La expresión del acuerdo y el desacuerdo en el discurso político: Un análisis social-cognitivo. *Philologia Hispalensis*, 16, 137-157.
- Johnson, R. J. 2000. *Manifest rationality: A pragmatic theory of argument*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates
- Krabbe, E. C.W. (1985). Formal Systems of Dialogue Rules. *Synthese*, 63, 295-328.
- Pomerantz, A. (1984). Agreeing and disagreeing with assessments: Some features of preferred / dispreferred turn shapes. In J. M. Atkinson & J. Heritage (Eds.), *Structures of social action: Studies in conversation analysis* (pp. 57-101). Cambridge: CUP.
- Sacks, H. (1987). On the preferences for agreement and contiguity in sequences in conversations. In G. Button & J. Lee (Eds.), *Talk and Social Organization* (pp. 54-69). Clevedon: Multilingual Matters.
- Schegloff, E. & Sacks, H. (1973). Opening up closings. *Semiotica*, 8 (4), 289-317.
- Searle, J. (1975). Indirect speech acts. In P. Cole & J. Morgan (Eds.), *Syntax and Semantics*. Vol. 3 (pp. 59-82). New York: Academic Press.
- Walton, D. N. (1985). New Directions in the Logic of Dialogue. *Synthese*, 63, 259-274.
- Werner, H. (1989). Credibility and political language. In R. Wodak (Ed.), *Language, power and ideology. Studies in political discourse* (pp. 115-135). Amsterdam: John Benjamins.
- Zillman, D. (1972). Rhetorical elicitation of agreement in persuasion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 21 (2), 159-165.

© Иньиго-Мора Изабель,
Делиджорджи Катерина, 2007
© Будаев Э.В. (перевод), 2007

Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х.
Омск, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КСЕНОФОБИИ (на материале российской прессы)

Abstract

The article deals with linguistic reflection of the opposition "alien - not alien" in the Russian newspapers within the aspects of interethnic relations. Special emphasis is put to the component of mentioned category - to the "alien". It is considered to be interpreted as the enemy, the cause of hardship, the target for criticism and the victim.

В последнее время в связи с актуальностью проблемы толерантности, постулирую-

щей терпимость к «другому», как отечественные, так и зарубежные представители разных областей гуманитарных знаний активно занимаются осмыслением феномена «свое – чужое» [Баранов 2003; Бахтин 1986; Бойко 2006; Водак 2006; Дейк Т. Ван 1989; Иссерс 1999; Кашкин 2004; Красных 2003; Маслова 2001; Гришаева 2003; Пеньковский 2004; Шейгал 2000; Вальденфельс 1995; Гумилев 2002; Каган 2001; Паин 2003; и др.]. Установлено, что оппозиция «свой – чужой» имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей онтологических представлений о бинарной структуре мира. В частности, для этнической картины мира категория «свой – чужой» является ядерной.

Образ «другого» и образ «чужого» имеют принципиальные различия. В «других» все вызывает интерес: где живут, что едят, как общаются, мотивация действий, обычаи, традиции. Это взгляд туриста-путешественника, познающего мир.

Эмоциональная речь – это вообще отличительная особенность испанцев. Все время кажется, что они про что-то спорят. А они просто про погоду говорят. // Бизнес курс, № 44, 2007.

В отличие от отношения к «другому», в восприятии «чужого» основная эмоция – отторжение, неприятие. В журналистском тексте это можно наблюдать как в описании тех или иных событий (репортажи, аналитические материалы), так и в интерпретации непосредственного опыта общения с иностранцами (очерки, путевые заметки). В обоих случаях маркерами отношения к «другим» и «чужим» может служить описание внешних черт, поведения, в том числе и речевого, среды обитания, особенностей характера иного социума. К ним добавляются указание на собственные пресуппозиции, ассоциации, аллюзии, выстраивание аналогий с собственной страной, оценка через призму своей культуры. Выражение эмоций по поводу тех или иных событий, впечатлений, как правило, одновременно указывает на оценку – положительную или отрицательную.

В целях выявления маркеров ксенофобии важно найти семантические инварианты и определить когнитивные операции, индуцирующие ксенофобические смыслы.

Согласно точке зрения В. Е. Кагана, присутствие ксенофобического компонента можно обосновать следующим образом: отношения между «своим» и «чужим», которые являются «обязательным и необходимым условием друг друга», не лишены внутренних и внешних противоречий, разрешаемых «в весьма тонком и рискованном балансировании». Утрата баланса между своим и чужим и «выход в пространство самодовлеющего страха перед чужим и есть ксенофобия в том негативном смысле, в котором это слово обычно используется. За-

щитой от него становится ксенофобическая агрессия на разных уровнях» [Каган 2001, 5].

История развития человечества не знает периода, для которого было бы характерно затишье ксенофобии. Национальные, этнические и религиозные конфликты – все это черты и сегодняшнего мира в целом. Для российской действительности характерны различные формы межэтнического противостояния: этно-территориальные конфликты, погромы и столкновения на почве межнациональной розни, акции насилия со стороны неонацистских и экстремистских организаций, случаи расизма по отношению к этническим мигрантам. Все эти, а также многие другие разновидности межэтнического несогласия находят отражение в прессе.

Практика современных российских СМИ показывает, что, являясь частью общества, журналисты часто концентрированно выражают стереотипы массового сознания, распространяя, с одной стороны, терпимость, а с другой стороны, озлобленность и интолерантность в отношении определенных этнических групп. Журналист выступает как индивидуум и как представитель определенного социума, в котором сформировались предубеждения, установки по отношению к «чужим». Он вынужден занять определенную позицию, в которой отражается как его собственное мнение, так и мнение социальной группы, которую он представляет. Трансляция этого мнения на массовую аудиторию представляет значимый фактор формирования общественных настроений.

Как в культуре, так и в индивидуальном сознании существует разграничение своего и чужого [Каган 2001, 7]. В рамках этого разграничения, без которого невозможно развитие и существование человека и культуры, мы и строили свое наблюдение. Гипотеза исследования заключатся в том, что образ «чужого» имеет типичные способы представления в журналистском тексте.

Материал исследования составляют статьи таких общероссийских периодических изданий, как «Аргументы и факты», «Российская газета», «Труд», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Новое обозрение», «Аргументы и время», «Аргументы и неделя». Выбор источников обусловлен, во-первых, лояльностью издания к государственной политике и идеологии (в том числе представлены и государственные СМИ), во-вторых, массовым адресатом. Таким образом, в поле зрения попали не крайние идеологические издания, в которых ксенофобия является компонентом политической позиции, а те, которые отражают сегодняшнюю повседневную практику российских СМИ. В соответствии с задачами выборка осуществлялась на основе тематики статей, посвященных проблемам взаимоотношений с «чужими». Тематика определялась, согласно

теории макроструктур, по заголовкам и вводкам (leads), где субъективно выделяется наиболее актуальная часть сообщения (см., например, [ван Дейк, 1989: 129-130]).

Как показал анализ, денотату «этнически чужой» соответствуют различные сигнификативные компоненты, выражаемые определенными лексическими единицами (наиболее частотные представлены ниже).

Схема 1.

денотат ЭТНИЧЕСКИ «ЧУЖОЙ»	
↓	
СИГНИФИКАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ	ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ
ИНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ	<i>инородцы, лица азиатской или кавказской национальности, азеры</i>
С ИНОЙ ВНЕШНОСТЬЮ И ХАРАКТЕРОЛ. ЧЕРТАМИ	<i>темнокожие, человек нетитульной наружности, люди «с восточным акцентом», «чернозем»</i>
С ИНОЙ ТЕРРИТОРИИ	<i>парни с юга, нелегалы, выходцы с Поднебесной, иммигранты, приезжие, трудовые мигранты, гастарбайтеры</i>
С НИЗКИМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И УРОВНЕМ КУЛЬТУРЫ	<i>чурбаны, чурки</i>
«ЧУЖОЙ»	<i>чужак</i>

Лексические маркеры сигнификатов этнически «чужого» представляют собой группу квазисинонимов, большая часть которых имеет оценочные коннотации.

Особый интерес представляет словосочетание *лицо (лица) кавказской или азиатской национальности*, которое является индикатором недифференцированности определенных этносов. При образовании словосочетания по подобной модели – «лицо + прилагательное (азиатской, кавказской) + национальности» – происходит слияние различных этносов в одно «лицо», причем лицо непривлекательное.

Объяснение этого явления можно найти в интерпретации А. Б. Пеньковского: «чужой» мир – это мир множественного числа со значением однородного множества. <...> «Свой» мир – мир единственного числа, со значением единичности. Это мир уникальных, индивидуальных, дискретных предметов. «Чужой» мир – мир неподвижный, статичный. Это мир, в котором нет дискретных объектов» [Пеньковский 2004, 17].

Абстрагирующая сила этого типа сознания настолько велика, что оно в своем восприятии и оценке элементов «чужого» мира снимает любые их различительные признаки и не оста-

навливается перед такими фундаментальными различиями, как национально – языковые и территориально – этнические.

Встречается и оценочное именование *чернозем* – так называют нелегалов преступники, которые контролируют их миграцию и строят на этом прибыльный бизнес. В данных лексических единицах в явном или имплицитном виде присутствуют этнические предубеждения.

В результате анализа материала было выделено несколько **типичных образов представителей этнически «чужих» меньшинств**. На поверхностном уровне эти образы представлены различными лексемами, которые репрезентируют фрейм «войны». Так, «чужой» интерпретируется как **враг, источник невзгод, мишень для критики, жертва**.

«Чужой» осмысливается, как правило, в негативных метафорах и окрашен ксенофобическими смыслами. Представим их языковое выражение.

1. Поскольку наличие **врага** понятийно предполагает состояние вражды – «отношений и действий, проникнутых неприязнью, ненавистью», актуализаторами подобных отношений являются лексические единицы со значением *борьбы, состояния войны*.

(1) *Кризис (отношений между Россией и Грузией) всегда состоял в том, что грузины вооружались и шли «воевать автономии», а встретив адекватный отпор, во всем обвиняли Россию.* (Пора признаться \ «Московский комсомолец» 2007).

(2) *Два неизвестных устроили кровавую драку в овощехранилище, где работали азербайджанцы и таджики. А буквально на следующий день пришли тревожные вести из Саратовской области – в г. Вольске **схлестнулись русские и армяне** ... (Станет ли Россия одной большой Кондопогой? \ «Аргументы и факты» № 38, 2006)*

Из приведенных примеров видно, что в отличие от нейтральной лексики в контексте официальных сообщений (1), для описания бытовой ситуации авторы используют оценочные средства (2).

Базовыми коррелятами «образа врага» являются смыслы *источника опасности, угрозы для своих*, что находит отражение в прессе.

... в Улан-Удэнском гарнизоне **солдат-кавказец своими гестаповскими издевательствами довел сослуживцев-славян до озверения** (Новобранцы с Кавказа берут в заложники полки \ КП 21 февраля 2007).

Прецедентный феномен *гестаповские издевательства* имеет крайне отрицательную коннотацию в сознании большинства читателей, поскольку ассоциируется с крайней жестокостью. Помещение в такой гиперболизированный контекст этнонимов – *кавказцы vs.*

славяне – способствует созданию ксенофобских настроений.

Фреймовым компонентом «врага» является *призыв к борьбе с ним*.

По городу распространяли листовки, в которых призывали людей на борьбу с инородцами (Инородные волнения продолжают // Новая газета № 70 14.09 – 17.09. 2006 г.)

Примечательно, что пишущий не упоминает в качестве объекта борьбы какой-то определенный этнос, – это скорее нечто денотативно расплывчатое. Как точно подметил В. Е. Каган, «ксенофобическое познание нуждается во враге, но предпочитает врага неуловимого» [Каган, 2001, 13].

Постоянное присутствие врага исключает состояние мирного сосуществования, что вербально выражается языковыми средствами, предполагающими *невозможность мира*.

Исчез в войсках мощный партийно-политический аппарат, который бдительно гасил малейшие межнациональные стычки и воспитывал личный состав «в духе братской дружбы».

Идеологема «братской дружбы», некогда характеризующая межнациональные отношения, погружена в контекст деградации, исчезновения.

Из проведенных нами наблюдений можно сделать вывод о предпочтении экспликации образа этнически «чужого» как «врага». Таким образом, повышенная конфликтность межнациональных отношений, характерная для последнего десятилетия, находит подтверждение в средствах массовой информации.

2. С этнически чужим связываются стереотипные представления о *источниках социального зла*. Хотя социологам известно, что «в основе противостояния различных групп лежат не этнические или религиозные различия, не этничность сама по себе, а именно социальные, политические, экономические интересы элит, интересы, которые прикрываются и маскируются для массового сознания этническими или религиозными признаками» [Прикладная конфликтология ... 2006, 8]. По утверждениям конфликтологов, этнические различия не могут являться причиной противостояния. Истинные причины — в «интересах элит, которые прикрываются этническими признаками» [там же]. Э. А. Паин выявляет следующую закономерность: раньше социальные проблемы политизировались, а теперь все чаще этнизируются и ответственность переносится на «чужие» этнические общности [Паин 2003, 3]. Этнические меньшинства выступают, таким образом, в качестве *идеального объекта для объяснения просчетов власти*. На «чужих» проще всего списывать собственные невзгоды: «*Чужие*» – удоб-

ная мишень для критики. Так создается образ врага – удобная психологическая уловка для обывателя и идеальное оружие для властей... Крах прежней идеологии, коррупция властей – та почва, на которой легко прорастают семена межнационального раздора» (В. Цепляев. Мир треснул // «Аргументы и факты» № 41, 2006). «По мнению социологов «Левада – центра», рост национализма – болезненная реакция на бедность самих русских» (В. Костиков. Научиться быть русским // «Аргументы и факты» № 51, 2006).

Несмотря на попытки некоторых авторов периодических изданий обличить истинную каузальность проблем в межнациональных отношениях, в массах этнически «чужой» рассматривается как *источник невзгод*, и этот образ зачастую закрепляется журналистами. Релевантными к данному негативному стереотипу является гиперболически выраженный образ *социального зла*, сопровождаемый сообщением о *недовольстве масс и упоминанием негативных последствий* для этнического большинства и даже необходимостью *избавления*.

Актуализатором образа «чужого» в поле социального зла являются указания на *связь нелегалов и мигрантов с криминальным миром*. Несмотря на априори известный факт о том, что у преступности нет национальности, пишущие довольно часто считают необходимым идентифицировать преступников по этническому признаку.

Третий (из преступников) – крепкий парень, очень подходил под традиционное описание «лица кавказской национальности». Назовем его «Чернявый» (Дело было на Слободской // Труд. 7-15 ноября, 2006).

Убитым русским парням кавказцы отрезали уши (Инородные волнения продолжают // Новая газета. № 70 14.09 – 17.09. 2006 г.)

Одна из самых актуальных на сегодня тем – преступления на этнической почве в армии. Так, в публикациях нередко преступниками выступают солдаты-кавказцы. Например, в статье, опубликованной в «Комсомольской правде», обозначение нарративной роли злодея-«чужого» начинается на уровне заголовка: «*Новобранцы с Кавказа берут в заложники полки*» – и проходит по всему тексту. Это выражается в активном использовании лексики с отрицательным прагматическим компонентом значения: *изуверы-сослуживцы*, «*конфликтный контингент*», «*гремучая смесь*», *массовый мордобой между кавказцами и призывниками из Татарстана, самосуд униженных и избитых кавказцами солдат и офицеров над «тиранами», засилье кавказцев* и т. д.

Примечательно, что кавказцами здесь называют целый ряд народов, объединяя их как криминальную группу, и противопоставляют всем остальным нациям – «*некавказцам*».

Идентифицируют кавказцев по общим элементам их культуры \ сообщества.

В роте служили полтора десятка южан – дагестанцы, аварцы, даргинцы, ингуши, кумыки. Они и устроили в роте так называемый «джамаат» – общину на криминальный лад. Этот «джамаат» каждого некавказца облагал данью (Новобранцы с Кавказа берут в заложники полки \ КП 21 февраля 2007).

Территориальное обобщение кавказских народов имеет историческую подоплеку, в связи с чем ученых интересует вопрос формирования кавказофобий. Так, Артур Цуциев приходит к выводу, что основанием для образования фобий в русском сознании «было постепенное и неуклонное становление системы этнической стратификации в северокавказских республиках, а также отзвук этой стратификации в общероссийском масштабе. Данные внутрикавказские процессы можно определить как расслоение на «титутельных», коренных (или «полноправных») и «нетитутельных», некоренных (с неявно усеченными правами). Неявность, смутность неравноправия выражается прежде всего особой связью граждан «коренных национальностей», кавказцев, с территорией их республик, которая подспудно рассматривается как их коллективная этническая собственность. ... Этническая асимметрия неизбежно зреет, исподволь накапливая рутинное, повседневное различие двух миров. Накапливается и русская **усталость, переходящая в неприязнь**, которая вместе с тысячами уезжающих с Кавказа русских пошла гулять по всей России» [Цуциев 2005, 1-2]. Один из устойчивых образов кавказца – «витязь» этнических войн. Некогда присущий образу кавказца романтизм напрочь утерян. Современный образ – весьма обобщенный – опосредован беспокойством, причиной которому явилась этническая напряженность, перешедшая в конфликты и войны. Более того, именно благодаря современным СМИ образ кавказской диаспоры превращается в общероссийский феномен – сегодня сами кавказцы стали *нетитутельной нацией*. Представляется, что указание на этническую принадлежность людей, совершивших правонарушения, «способно внушить читательской аудитории это чувство угрозы со стороны этнически «чужих», представление о них как об опасных «других»» [Чепкина 2003, 482].

Любое социальное зло предполагает отрицательную реакцию социума, что эксплицируется в СМИ:

(1) *Только глухой не услышит ксенофобского ропота, всё громче звучащего отовсюду, где живут «чужие»* (Станет ли Россия одной большой Кондопогой? \ «Аргументы и факты» № 38, 2006).

(2) *Русским не нравятся не вообще лица «азиатской» или «кавказской» национальности, а то, что мигранты занижают цену*

труда, питают криминалитет (Научиться быть русским \ «Аргументы и факты» № 51, 2006).

Речевыми маркерами такой реакции являются не только синонимы с семантикой *недовольства* – «ропот, не нравятся» (1, 2), но и сопоставительные синтаксические конструкции – «не вообще ... , а то, что ...» (2), которые придают речевым средствам уступительный оттенок (о коммуникативном ходе уступки в выражении этнических предубеждений см. [ван Дейк, 1989]).

Ксенофобические мотивы присутствуют в представлении *негативных последствий*, вызванных присутствием чужих.

В Перечинском районе произошла вспышка брюшного тифа. Его, как установили медики, занесли нелегалы (Деньги и кровь на «черноземе» \ Труд – 7 февраля, 2007)*

Нелегалы представляются носителями зла, которое они *распространяют и разносят*.

Подобные публикации могут быть восприняты читателем как руководство к действиям против мигрантов [Енина 2004, 155]. В газетных текстах встречаются прямые сигналы речевой агрессии, предлагающие *избавление от этнического зла*.

42% предлагают ограничить проживание на территории страны выходцев с Кавказа, 41% – китайцев, 23% – жителей среднеазиатских республик (Станет ли Россия одной большой Кондопогой? \ «Аргументы и факты» № 38, 2006).

3. «Чужой» интерпретируется на страницах российской прессы также как **мишень для критики**.

Критика главным образом направлена на нежелание «чужих» *подстраиваться под «нашу» культуру*. В этих случаях противопоставление этносов в поле «свои – чужие» наиболее эксплицировано.

(1) *Парни с юга приходят в армию со своей самобытной психологией, со своими национальными обычаями, традициями, нравами, повадками, уровнем развития и образования. Со своим отношением к законам и военным порядкам. Со своим пониманием коллективизма* (Новобранцы с Кавказа берут в заложники полки \ КП 21 февраля 2007).

(2) *Они (молодые чеченцы) привыкли к ненависти, к крови, у них другое отношение к жизни, другой менталитет* (Не хотите наводить порядок? Тогда наведем его мы! \ Труд-7, 27 сентября 2006).

Противопоставление усиливается за счет экспликации идеи «чуждости» через лексем *свое, другое, самобытное*, предполагающие отличное, не такое, как у нас, что моделирует абсолютное отличие двух культур. Негативизм прослеживается в выборе таких оценочных лексем, как *повадки, нравы* и сочетанием *при-*

выкли к крови, что характеризует парней с юга как дикарей повадками животных.

Однако *неприятие «чужой» культуры* имеет место и в *позиции этнического большинства*.

Так, например, журналистка, приехавшая в Саудовскую Аравию во время визита В. В. Путина и вынужденная подчиниться местным обычаям, приводит свои явно негативные впечатления. Начинает она с того, что её вынудили надеть хиджаб, главный атрибут внешности восточной женщины:

Надев первый попавшийся хиджаб, я впала в тихую панику ... Передвигаться в таком виде без риска для здоровья было просто невозможно ... По дороге на балкон (где пресса ожидала прибытия президента) я набиралась опыта хождения в хиджабе. Ноги путались в платье, платок то и дело съезжал с головы. (Ради визита Путина журналистки пожертвовали ногтями \ \ «МК» 14-21 февраля 2007 г.)

Выбранные здесь автором средства описания впечатлений содержат смыслы *страха (паника), опасности (риск для здоровья)*.

Далее автор показывает, что жизнь арабской женщины осложнена не только неудобной одеждой. Её вообще не воспринимают как личность.

Потом еще выяснилось, что в аэропорту – во всяком случае, в той его части, где мы находились, – напрочь отсутствует женский туалет. За ненадобностью, так сказать. «Здесь все для человека. То есть, для мужчины», – прокомментировал один мой коллега (там же).

Из приведенного описания явно следует, что восточная женщина гораздо ниже по положению европейской (русской) журналистки. Эмоции *паники, опасности, унижения* никоим образом не способствуют положительному восприятию читателями восточной культуры, образа жизни арабов. Кстати, тема «женщин Востока» все чаще находит свое место в творчестве журналистов. Позиция авторов манифестируется уже в заголовочном комплексе, который прогнозирует содержание текста и призван привлечь внимание читательской аудитории. Так, например, заголовок «*Жена на одну ночь*» и подзаголовок «*Муж приходит ко мне по графику, через три дня*» способен поймать внимание адресата, но в то же время задает тон восприятия публикации читателем, воспринимающим «жену на одну ночь» как нечто негативное, не соответствующее общепринятым моральным нормам.

4. Особенно выпукло и концентрированно отражено положение представителей этнических меньшинств как **жертв** в числе мигрантов. Пишущие используют лексику со значением *страха, беззащитности, унижений*.

В фанерном киоске, торгующем мелочевкой, затравленно озирается продавец-

азербайджанец (Сплошной базар \ \ Новая газета. 30.11 – 03.12. 2006).

Продавцы-иностранцы с тревожными лицами сбились в кучку и шептались (Профанация // Профиль. 9 апреля 2007).

Семантика жертвы способствует индукции смыслов, связанных с оценкой указанного этноса как стоящего на более низкой ступени цивилизации и подверженного в силу этого эксплуатации «более развитым» этносом.

Нельзя не отметить, что кроме импульсов ксенофобии, в прессе присутствуют и саркастические интонации по поводу ксенофобии русских:

На девятый день после гибели в ночной драке у ресторана «Чайка» Сергея Слезова и Григория Усуна в городе Кондопоге я не встретила ни одного лица кавказской национальности. Часа три бродила по городу, чтобы увидеть хотя бы одного «условного» кавказца и задать ему вопрос: «Как жить дальше будете?» Не сбылось. Ландшафт изъясил из обращения даже еврейских старушек. Поминки проходили в этнически чистом городе (Инородные волнения продолжаются \ \ Новая газета. № 70 14.09 – 17.09. 2006 г.)

Как показали наблюдения, образ этнически «чужого» в российской прессе имеет конкретные интерпретации, имеющие явно интолерантный характер. Образ «чужого» как врага представляется наиболее актуализированным, что, учитывая силу влияния СМИ на формирование и развитие общественного сознания и социального поведения читателя, ведет к трансформации его этнической картины мира и способствует укреплению ксенофобических настроений в обществе.

Преобладание негативно-оценочного прагматического потенциала в газетных текстах, а в некоторых случаях даже нагромождение негативных оценок поддерживает неприятие другого этноса и вызывает внутреннюю агрессию читателей.

Это позволяет обозначить задачу журналиста быть посредником в межкультурной коммуникации и демонстрировать толерантное отношение к представителям разных культурных и этнических социумов как весьма актуальную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дейк, ван Т. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.

Енина Л. В. Этническая толерантность в отражении уральских газет \ \ Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. \ Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. – 595 с.

Каган В. Homo Xenophobicus: психология «своего и чужого» // <http://www.lebed.com/art2121.htm>

Николаева Т. М. Лингвотекстологические особенности подачи информации в русскоязычных

газетах \ \ Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) \ Научн. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – 478 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений \ российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Паин Э. А. Почему помолодела ксенофобия. О масштабах и механизмах формирования этнических предрассудков // http://www.ng.ru/ideas/2003-10-14/11_xenophobia.html

Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке \ Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с. С. 13-50

Прикладная конфликтология для журналистов. Права человека, 2006 <http://gatchina3000.ru/literature/applied-conflictology-for-journalist>.

Свирковская С. В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 25 с.

Чепкина Э. В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации \ \ Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. \ Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2003. 475-486 с.

Цуциев А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов. Дружба народов, 2005 № 10 \ http://hist.den-asu.ru/ashpi/forum_ch.html.

Рахимбергенова Майра Хаджимуратовна – аспирант, старший преподаватель факультета иностранных языков Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

© Иссерс О. С., 2007

© Рахимбергенова М. Х., 2007

Керимов Р. Д.

Кемерово, Россия

ТЕКСТИЛЬНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФРГ

Abstract

The modern German political discourse describes the social reality of the Federal Republic of Germany and the EU in the comprehension of German political figures by the use of conceptual metaphors. The essence of conceptual metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another (understanding one conceptual domain in terms of another conceptual domain). Artefact metaphors model the social reality in terms of the mechanical, transport, architectural, gastronomic and textile domains. Textile conceptual metaphors include names of clothes, head-dresses, foot-wear and other textile accessories and some theatre properties. They characterize both negative (more often) and positive (less often) aspects of various political objects

of the Federal Republic of Germany and the European Union in the modern German political discourse.

Когнитивный подход к изучению разных языковых явлений на различном материале получил в современном языкознании широкое распространение. Он используется для реконструкции по языковым данным вербальных способов упорядочивания (получения, хранения, передачи, систематизации и развития) информации (знаний, опыта) о различных (конкретных и абстрактных) областях человеческой жизнедеятельности [см., например: Баранов, Добровольский 1997; Маслова 2004; Писаренко 2002; Попова, Стернин 2003; Рахилина 1998; Рудакова 2002; Lakoff 1990 и др.].

Каждый конкретный язык несёт на себе отпечаток особенностей мышления (восприятия и осмысления мира) носителей данного языка, и отражение окружающей среды происходит не напрямую («мир» → «язык»), а через призму сознания (когниции) человека по схеме: «мир» → «человек» → «язык». Таким образом, язык фиксирует то, как человек воспринимает мир и отражает его в своём сознании. Большое влияние на носителя языка и посредством него на его языковую деятельность оказывают при этом различные экстралингвистические факторы: культура, история, традиции, сфера деятельности, даже климатические и географические условия его проживания, поэтому восприятие мира человеком есть фактор субъективный, а не объективный, так как оно обусловлено влиянием внешнего мира.

Восприятию и описанию объективной реальности в мышлении/ языке человека присуще такое качество как метафоричность, суть которой заключается в описании реалий одной сферы жизнедеятельности посредством номинаций других сфер, причем связь между конкретными понятийными (концептуальными) сферами бывает predetermined уже существующими в языке схемами (моделями) упорядочивания знаний о данном сегменте бытия [см., например: Baldauf 1997; Jäkel 1997; Lakoff, Johnson 1980; Schwarz 1992, 1996 и др.].

Концептуальная метафора с точки зрения когнитивной семантики представляет собой модель представления информации о какой-то одной сфере деятельности субъекта терминами иной, совсем другой сферы [см.: Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2003; Baldauf 1997; Feng 2003; Jäkel 1997; Kövecses 2002; Lakoff 1988; Schwarz 1994; Weinrich 1976 и др.]. Набор используемых узусом в конкретном языке концептуальных метафор зависит от интра- и экстралингвистических факторов, в том числе от истории и